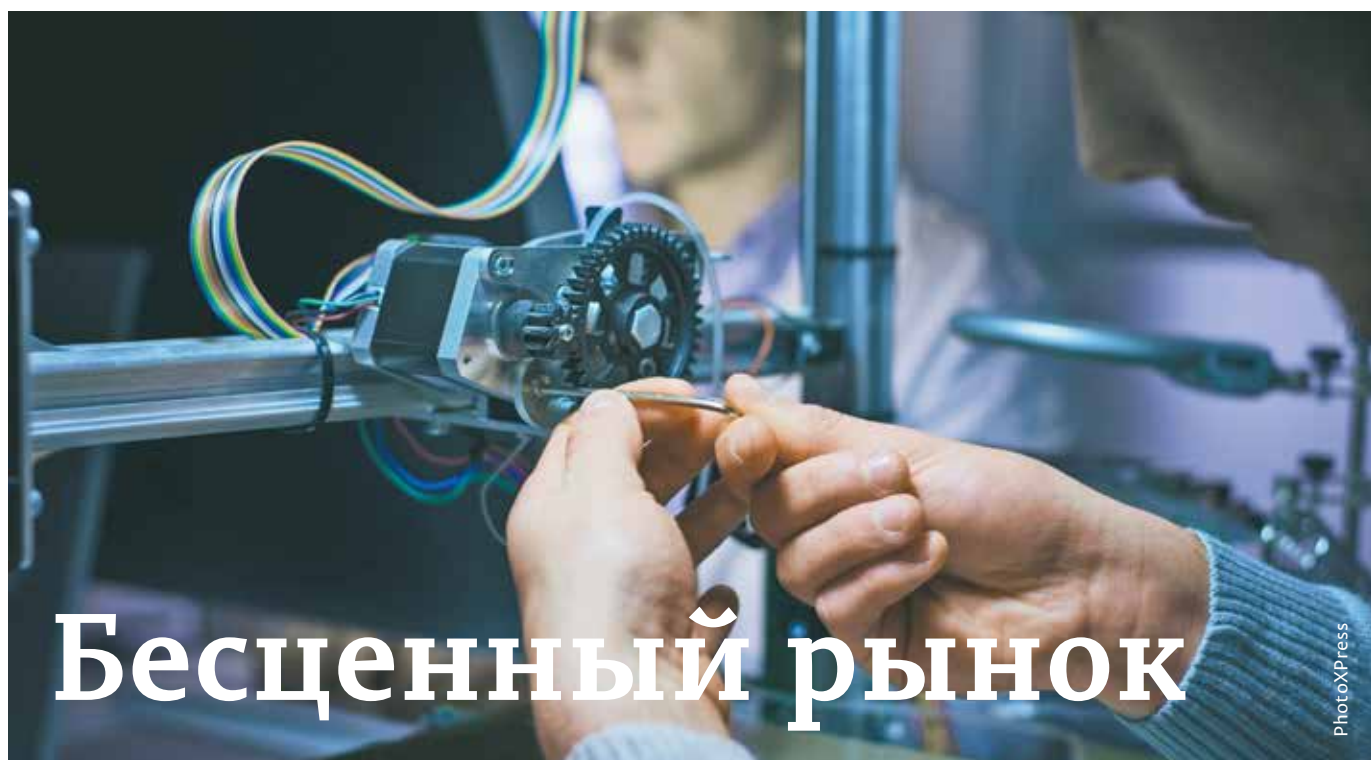

Интеллектуальная собственность

Рекламно-информационное издание

партнер выпуска:

Big data в судах

Кто владеет вашими данными
в интернете и что об этом говорит
закон

Мария Салтыкова

«Оператор признался в продаже миллиардов записей пользовательских данных», «Хакеры взломали аккаунты полумиллиона покупателей одежды», «С сервера утекла информация почти всех жителей страны» – это лишь несколько заголовков новостей специализированного сайта за неделю.

Довольно молодой и экономически активный гражданин, особенно если он проживает в крупном городе, вполне может в течение года 10–20 раз и даже чаще оставлять свои персональные данные в различных государственных органах, на бизнес-платформах и в социальных проектах, говорит Андрей Арсентьев, аналитик ГК InfoWatch. Набор данных может серьезно варьироваться от случая к случаю, но чаще всего речь идет об ограниченном комплекте: фамилия, имя, отчество, номер мобильного телефона и электронная почта. Но в отдельных случаях человек может предоставлять данные и по десяткам параметров – например, при подаче заявления на выдачу загранпаспорта или при приеме на работу.

*Кому должны принадлежать
данные пользователей:
компаниям, которые их собрали,
пользователям или их может
использовать кто угодно?*

Кроме государственных органов основными операторами персональных данных выступают телекоммуникационные компании, банки, медицина, страхование, торговые сети, различные сервисные компании.

По оценке «Левада-центра», около 60% взрослых россиян активно пользуются социальными сетями, при этом многие зарегистрированы сразу на нескольких популярных ресурсах. Таким образом, на эти платформы также регулярно передаются массивы пользовательских данных.

Кроме того, все больше персональных данных передается на платформы интернета вещей (IoT). Например, источниками таких данных служат фитнес-браслеты и устройства умного дома.

Если оставить за скобками запись разговоров абонента, то сейчас бизнес – и телеком, и банки, и соцсети, и интернет-сервисы – собирают сотни килобайт данных о человеке в день, говорит партнер КПМГ Алена Дробышевская.

Все это потенциальный заработок для самых разных бизнесов по всему миру. Кому принадлежат эти данные и есть ли способ их защитить?

Кто возьмет ваши данные

Сайты собирают cookies, интернет-провайдеры – данные

06 →

Почему интеллектуальная собственность в России не продается

Елена Виноградова

Судя по данным Роспатента, рынок интеллектуальной собственности в России стабильно развивается: число поданных заявок на товарные знаки в 2018 г. выросло на 3,47% (более 76 000 заявок), на патенты – на 4,1% (почти 38 000 заявок).

Российские цифры на несколько порядков меньше, чем на лидирующих рынках: патентные ведомства Китая и США за 2017 г. получили 1,38 млн и более 600 000 заявок на одни только патенты соответственно, свидетельствуют данные Всемирной организации интеллектуальной собственности WIPO.

Из пятерки крупнейших российских компаний четыре – «Газпром», «Роснефть», «Лукойл» и «Сургутнефтегаз» – раскрывают данные о принадлежащих им патентах в отчетах. Лидирует по этому показателю «Газпром»: вместе со всеми «дочками» ему на конец 2017 г. принадлежало 2342 объекта патентных прав. Вложения в НИОКР у лидеров экономики измеряются в лучшем слу-

чае десятками миллиардов рублей при выручке в триллионы (подробнее см. врез).

В «Сколково» за пять лет подано около 4500 патентных заявок, на конец 2018 г. резиденты получили больше 350 зарубежных и 1500 российских патентов.

«Россия входит в пятерку мировых лидеров по объему [государственных] инвестиций в развитие технологий, научные изыскания и культуру. Но в год в России регистрируется всего 35 000–40 000 патентов и проводится не более 4500 сделок с ними. Это дает повод думать, что рынок нематериальных активов в России очень мал», – констатирует президент ассоциации IPChain Андрей Кричевский.

Статистика Роспатента не отражает ситуацию полностью, предупреждает Анна Никитова, руководитель практики интеллектуального и информационного права юридической группы «Яковлев и партнеры». Корректно измерить рынок интеллектуальной

04 →

Гил ПЕТЕРСИЛ

БИЗНЕС-СТРАТЕГ И АВТОР ПРОГРАММ ПО НЕТВОРКИНГУ

Каждый, кто что-то создает, кто мечтает и видит, как воплотить мечту в реальность, нуждается в человеческом ресурсе для реализации своих планов. Человеческий капитал сегодня может быть оценен разными способами. Это не только деньги, которые вы накопили. Это способность влиять на то, что можно измерить.

Уже сейчас нематериальные активы сильно влияют на развитие мировой экономики.

Традиционные бизнес- и маркетинг-стратегии ушли в прошлое. Брендинг кардинально изменил наши представления о маркетинге, а товарные знаки и франшизы – о способах развития компаний. Здесь стоит особо отметить роль интернет-технологий, позволяющих распространять,

использовать и монетизировать контент. Рынок интеллектуальной собственности обладает огромным потенциалом. Есть компании, которые лицензируют контент от разных спикеров и коучей, включая меня, и зарабатывают миллионы долларов каждый месяц, продавая его по подписке. Сегодня грамотная маркетинговая кампания работает с инфлюенсерами – людьми, способными привлечь новых клиентов и повлиять на миллионную аудиторию.

Думаю, через несколько лет в мире появится новая глобальная система управления контентом, скорее всего основанная на технологии блокчейн, способная отследить как нелегальных распространителей, так и оригинальных авторов данных. Уже сейчас много что можно найти онлайн, но часто один и тот же материал пересылается, копируется, захламляет цифровую среду. Я с нетерпением жду новых технологических решений именно потому, что они позволят очистить интернет от дубликатов. Тогда на базе такой платформы люди смогут спокойно делиться своим творчеством с миром, не опасаясь плагиата, результаты поиска начнут выдавать только релевантную информацию, а желающие смогут и монетизировать свой контент.

пресс-служба Ассоциации IPChain

Андрей Кричевский: «Забудьте про общества коллективного управления правами, сегодня уже другой мир»

Президент Ассоциации IPChain о каменном веке в защите интеллектуальных прав и общественно-государственном блокчейне для музыкантов и изобретателей

Анфиса Воронина
Анна Богомолова

Андрей Кричевский больше 11 лет работает в сфере интеллектуальной собственности: он стоял у истоков создания двух из четырех аккредитованных государством обществ по коллективному управлению авторскими и смежными правами – Всероссийской организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и Российского союза правообладателей (РСП) и был инициатором создания Евразийской конфедерации обществ правообладателей (ЕАКОП).

Полтора года назад Кричевский выступил идеологом создания Ассоциации IPChain и теперь развивает систему управления интеллектуальной собственностью в блокчейне. Конечная цель этой системы – соединить напрямую игроков креативной экономики с потребителями. Ее участники смогут здесь хранить данные и зарабатывать на любых своих творениях – от нового софта до промышленного дизайна чашки.

– Каков объем рынка интеллектуальной собственности в России?

– Если говорить доктринально, то интеллектуальная собственность делится на две части: это авторское право и смежные права и промышленная собственность. Отдельная часть – товарные знаки и средства индивидуализации, т. е. все, что связано с брендами. Авторское право и смежные права в основном работают в медийной сфере и IT. Этот рынок у нас достаточно активен, похож на все зарубежные плюс-минус со страновыми особенностями. В штуках, конечно, копирайт превалирует – количество единиц продукта здесь существенно больше: это музыка, кино, фотография, дизайн, архитектура, софт.

При этом Россия даже не рядом с другими странами по уровню использования патентов, в части реального экономического оборота промышленной собственности у нас каменный век. Компании из других стран активно работают с патентами – покупают и продают, создают патентные пулы, используют патенты и товарные знаки в капитализации компании, а также как средство давления для продвижения своих товаров на рынки или для косвенной конкуренции на чужих для себя рынках товаров и услуг. А США вовсю патентуют даже бизнес-методы и софт.

Правда, отчасти у них те же проблемы, что и у нас. Одна из базовых – проблема оценки интеллектуальной собственности. Все сходятся в том, что к интеллектуальной собственности неприменимы обычные способы оценки.

– То мизерное число патентов, которое в России все-таки регистрируется, – это действительно прорывные разработки или скорее формальность?

– Дело даже не в разработках. В Китае регистрируется больше патентов, чем во всем мире, – 1,3 млн в год. У нас – меньше 40 000. В 1987 г. в СССР было зарегистрировано около 85 000 изобретений, в США – на несколько тысяч меньше, Япония отставала примерно на 30%, а Германия и Великобритания держались на уровне 1/3 от

цифр СССР. И такой уровень держался до 1991 г. Сейчас с Китаем более или менее могут конкурировать США, Европа, Корея, Япония. На всю Юго-Восточную Азию приходится 60% всей интеллектуальной собственности в мире. Другой вопрос в том, что у нас не решен на современном уровне вопрос по оцифровке патентных баз данных. Соответственно, хромает патентный поиск. Как следствие, патентная аналитика оперирует недостаточно качественными или неструктурированными данными. Тут же возникает вопрос эффективности российских патентных ландшафтов – визуализация и аналитика у проектного офиса Роспатента на вполне мировом уровне, а вот «сырые данные», увы, пока огорчают.

– Что такое патентный ландшафт?

– Патентная карта, визуализация аналитики для принятия стратегических решений в сфере инноваций. Когда вы разработали технологию и хотите посмотреть, что вокруг творится, куда развивается ваша сфера, какие есть прорывы. Мы сейчас говорим с Евразийской комиссией о том, чтобы запустить проект по созданию интеграционного сервиса патентной информации, с тем чтобы провести на евразийском пространстве ретроспективную оцифровку патентных архивов, индексировать и обогатить полученные данные метаинформацией, а затем отработать таксономию – выстроить синонимические ряды. Так мы получим мощный толчок для формирования патентных баз данных и умного патентного поиска.

– Работает ли в России интеллектуальная собственность как актив? Если я приду в банк и захочу получить кредит под залог патентов, например, что я услышу в ответ?

– Мы сейчас пытаемся хоть как-то поднять вопрос кредитования под залог интеллектуальной собственности. Это касается не только патентов, но и авторских прав. Пока ЦБ рассматривает нематериальные активы как очень плохой залог – они категорически отвечают, что даже думать на сей счет не будут, якобы это очень маленький и неинтересный рынок. Забудьте. Но мы пошли по другому пути: создаем краудинвестинговую платформу – займы под залог интеллектуальной собственности. Музыкант записал альбом, он вышел, продан. Музыкант хочет записать новый, нужны деньги. Он приходит на платформу и говорит пользователям: «Нужно столько-то денег, вот мой старый альбом». Пользователи дают ему займы под залог старого альбома и получают права на него, если он не возвращает деньги.

Музыка на бирже

– Есть ли понимание, с какой доли музыки, которая сейчас воспроизводится публично, платится вознаграждение авторам, а какая по-прежнему не покрыта Российским авторским обществом (РАО) и РСП?

**АНДРЕЙ
КРИЧЕВСКИЙ**
ПРЕЗИДЕНТ
АССОЦИАЦИИ
IPCHAIN

Родился в 1981 г. в Минске, Белоруссия
Окончил факультет права Высшей школы экономики
2011 г. – гендиректор ФГУП «Фирма «Мелодия»
с 2015 – гендиректор РСП
2017 г. – один из создателей Ассоциации IPChain
Президент Ассоциации IPChain, генеральный секретарь ЕАКОП

– Я думаю, что покрыто более 70–80%. Есть отдельные эпизоды и пользователи, которые не платят, но в целом рынок, конечно, сильно оцифровался. В музыке мы стремимся к тому, чтобы уйти от коллективного управления правами и прийти к индивидуальному. Для это нужно прежде всего, чтобы заработала биржа и к ней подключились цифровые сервисы. Три года назад появился Fonmix – сервис музыкального оформления, b2b-плейер. Он позволяет компаниям-пользователям получать доступ к массиву музыки, а правообладателю – получать фактический отчет, что проиграно, например, в той самой парикмахерской. Деньги тоже можно распределять автоматически. Следующий шаг – подключить правообладателя напрямую к плейеру, чтобы он мог взаимодействовать с пользователем. Для этого нужна биржа, с тем чтобы можно было выложить музыку, выработать ценовую политику, определить права, которые автор готов передавать за те или иные деньги. И система начнет работать сама, при этом обе стороны будут взаимодействовать напрямую.

– Сколько у этого плейера сейчас пользователей?

– Их количество растет постепенно. Сейчас уже более 15 000 пользователей и около 30 000 точек, где используется музыка, с учетом Белоруссии, Казахстана и Армении. В 2019 г. через плейер монетизируется музыки примерно на 1 млрд руб. Это треть всего публичного воспроизведения в России.

– Передают ли данные в РАО «Яндекс.Музыка» и Google Play?

– Нет. Это другой вид использования, это интернет. Они работают [напрямую] с правообладателями. Там, правда, тоже существует проблема отчетности, прозрачности. Мы получаем от них отчет, но проверить его не можем. И не просто так кинопродюсеры поднимают сейчас вопрос о том, что нужна система, в которой будет отчетность онлайн-витрин. Думаю, что IPChain во многом решит эту задачу, в ближайшее время мы подключаем к сети первую музыкальную онлайн-витрину.

– А с «Яндексом» и Google ведутся переговоры?

– Нет, потому что с ними конструктивные переговоры невозможны. Они сами действуют языком ультиматумов и слышат только такую тональность. ТВ и киноиндустрия – вот с ними отработали, в целом чего-то добились. Я думаю, что со стороны музыкальной индустрии тоже будут выдвинуты требования. Стоит помнить, что помимо этих сервисов есть и другие. Кроме «Яндекс.Музыки» в том же сегменте есть работающий по законам рынка «ВКонтакте».

– Вы сейчас от имени РАО говорите?

– От имени музыкальной индустрии. На самом деле забудьте наконец про эти общества коллективного управления. Сегодня это сервисные службы, они уже не играют никакой роли на рынке и не претендуют, как раньше, на роль вершителей судеб. Сейчас, конечно же, уже другие игроки и другой мир.

– Вы говорите про создание биржи интеллектуальной собственности. Как этот проект соотносится с Национальным реестром интеллектуальной собственности, который 2016 г. создали Первое музыкальное издательство, структуры, связанные с Союзом кинематографистов, структуры группы «Газгольдер» и другие участники рынка при поддержке Роспатента и Минкульта?

– Теперь это сервис n'RIS для депонирования, предотвращения нарушений и вовлечения интеллектуальной собственности в экономический оборот. Это экосистемный проект, одна из его задач – обеспечить депонирование прав. Вы записали песню, вам нужно зафиксировать авторство. Вы выкладываете песню в защищенную ячейку онлайн, получаете доступ, один ключ доступа хранится в сервисе, один – у вас, один – в «Сколково». Вы получаете сертификат о том, что вы являетесь правообладателем. В случае спора вы можете попросить суд обратиться к своей защищенной ячейке и доказать свое авторство. Важная особенность сервиса – потрековая доставка на витрины, например, в iTunes. Все агрегаторы работают с альбомами, одну песню туда отправить нельзя, а витрина не будет работать с вами как с автором напрямую. Поэтому вам нужно идти к издателю, который возьмет у вас песню в свой каталог и отдаст агрегатору. n'RIS в самом ближайшем времени будет осуществлять потрековую доставку до витрин. Следующий их шаг – это anti-piracy. На сегодня на рынке нет решений, которые в автоматическом режиме позволяют выявлять пиратский контент. n'RIS же с помощью решения на базе искусственного интеллекта в автоматическом режиме, без участия человека, может формировать отчет, что на ваше произведение есть столько-то пиратских ссылок, столько-то копий, лежащих по такому-то адресу. Дальше уже чисто юридическая работа, которая, кстати, тоже автоматизирована.

«Озеро данных» и государство

– Дайте, пожалуйста, определение IPChain.

– Вообще, это называется «реестр», но красиво и романтично можно назвать это «озером данных». Второе определение – это «коммуникационная шина». В компьютере есть разные девайсы: материнская плата, видеокарта, клавиатура. У каждого из них есть свой информационный язык и должна быть система, служащая для передачи данных между функциональными блоками. Вот с клавиатуры пошел сигнал, он не попадает напрямую на видеокарту, с помощью шины он передается на материнскую плату, процессор, видеокарту, на все другие компоненты. IPChain – это реестр информации о правах и объектах интеллектуальной собственности, который фиксирует весь жизненный цикл объекта. И это средство коммуникации для разных субъектов рынка, для обмена информацией. В IPChain участвуют только авторизованные крупные участники рынка – те, кто дорожит своей репутацией и отвечает за свои действия. Каждый из таких участников – узел сети. Соответственно, ввод информации в сеть возможен только через эти узлы, и они отвечают за ту информацию, которую выпускают в сеть.

– А где ваш профит в истории с IPChain?

– Эта идея была изначально некоммерческой. Подобная инфраструктура просто не может быть эффективной, если будет ставить задачей извлечение прибыли. Но на базе этой инфраструктуры будут «жить» коммерческие сервисы. Для работы любого цифрового сервиса в сфере IP нужна достоверная информация о правах и объектах. Иначе это огромные транзакционные издержки, которые тут же влияют на цену сделки. Если у тебя есть среда, в которой информация проверена, стороны проверены, то ты можешь резко снижать и временные затраты, и транзакционные издержки. Наш же интерес в том, чтобы целый ряд коммерческих сервисов, которые мы задумали и реализуем на базе IPChain, были успешны.

– Я написала программу. Какой мне интерес потом идти с ней в IPChain?

– Вы ее написали, получили свидетельство о регистрации в Роспатенте. А завтра вы еще доработали, и у вас появилась версия. И дальше, например, вы написали то же самое на другом языке программирования. Даже если вы

Что такое Ассоциация IPChain

Создана в 2017 г. Соучредители – фонд «Сколково», ВОИС, НИУ ВШЭ, РСП, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО), РАО, УПРАВИС, банк «Новый век». Задача – создание всесторонних условий для перехода сферы интеллектуальной собственности на качественно новый уровень и формирование цифрового рынка путем реализации проекта IPChain, нацеленного на формирование международной сети транзакций прав и объектов интеллектуальной собственности. Проект является унифицированным решением, открывающим возможности сотрудничества с представителями разных отраслей экономики. Ассоциация IPChain – официальный член глобального блокчейн-консорциума Hyperledger и European Legal Technology Association.

получите свидетельства на все это, защита будет представляться только от очевидного копирования вашего программного кода. Соответственно, нужна доверенная инфраструктура, которая будет регистрировать ваш алгоритм в совокупности с интерфейсом и описанием функционала, и нужен умный сервис, который сможет сравнивать ваш объект права с другими, даже если они написаны с измененным синтаксисом или на другом языке.

– За счет чего покрытие в IPChain должно получиться более широким, чем в базе Роспатента?

– Прежде всего за счет совмещения в рамках одной сети информации о всех видах объектов интеллектуальной собственности, в том числе нетипичных (типа инновационных проектов, прав на трансляцию кабельного сигнала и проч.). Не стоит забывать, что права промсобственности зарождаются в форме авторского права, это неразрывный цикл. Его сохранение позволяет обеспечить больший объем и полноту креативной экономики.

Но в целом более верно говорить не о более широком покрытии, а о большей глубине реестра. Прежде всего за счет того, что через IPChain рынок сам обменивается информацией. Роспатент собирает информацию по своим шаблонам и хранит информацию так же. В патентной заявке больше информации, чем в патентной базе данных. Вы не получите из патентного поиска весь объем информации. Всем объемом информации обладает тот, кто подает заявку на патент или владеет им. IPChain как раз и объединяет участников рынка, которые сами заполняют информацию о принадлежащих им правах и объектах.

– То есть IPChain выполняет функцию депонирования?

– Точнее сказать – фиксация фактов и данных. Сейчас система выполняет прежде всего функцию хранения. Текущая задача для развития сети – это обмен информацией между узлами и их системами управления правами. У «Роскосмоса» своя система, у Роспатента, РАО, «Ситроникса», «Союзмультфильма», Warner Music и т. д. – свои. Нужно сделать так, чтобы, когда информация об объектах права меняется в системе управления правами у Warner Music, об этом сразу узнавали система РАО и другие участники сети. Следующая стадия развития – это смарт-контракты. Для смарт-контрактов нужны достоверная информация и фиксация фактов. То есть IPChain – это три функции: фиксация информации об объектах права, обмен такой информацией и реализация смарт-контрактов.

– Сколько сейчас участников в IPChain?

– Порядка 20 узлов, крупнейших компаний и ведомств. Роспатент и Суд по интеллектуальным правам – тоже в числе наших узлов. Полагаю, что в будущем будут тысячи узлов.

– И эта сеть в перспективе покроет всю креативную экономику?

– Думаю, что да. Здесь важный момент, что IPChain ни с кем не конкурирует. И не принадлежит никому. С момента, как в сети появились внешние узлы, она больше не принадлежит учредителям. Потому что информация появляется во всей сети одновременно. Будет лишь страновая конкуренция и конкуренция блокчейн-платформ для защиты интеллектуальной собственности.

– А в перспективе, например, 10 лет вы хотите заменить собой Роспатент?

– Конечно, нет. Что такое Роспатент по своей сути? Это сервис государственной регистрации прав. И если рассматривать его так, то заменить его не может никто. В нашей стране государство – это ключевой участник всех процессов, и без государственной печати очень многое считается недействительным.

– Минкомсвязи 6 мая опубликовало проект указа президента о создании общественно-государственной организации «Российский центр интеллектуальной собственности». В нем речь идет как раз о создании сетевой платформы для обмена информацией об объектах интеллектуальной собственности. Какое отношение к этому имеет IPChain?

– Это довольно давняя история. В нацпроекте «Цифровая экономика» было заложено создание общественной сетевой платформы для обме-

на информацией. В итоге ею стала IPChain. Мы разработали сеть, нам утвердили технические требования, мы на них отреагировали, сдали в эксплуатацию. Дальше был целый ряд встреч с чиновниками, которые сказали: «Слушайте, это все очень клево, только вы же понимаете, что это должно быть с участием государства». Как можно увидеть из проекта указа, мы передаем права и технологии на созданную платформу в общественно-государственную организацию и та становится ее оператором.

– Зачем это происходит?

– Насчет государства понятно: оно хочет контролировать систему, которая содержит массив персональных данных, массив коммерчески чувствительных данных. Это затрагивает достаточно важные секторы экономики.

– А вам как разработчику платформы государство зачем?

– Во-первых, это фиксация определенного статуса этой платформы. Во-вторых, это дополнительные возможности, функционал, выход на выработку стандартов оборота прав и объектов IP в цифровой среде.

IPChain была и остается некоммерческой инфраструктурой, просто ее оператором будет общественно-государственная организация. В стране, где государство играет базовую роль, лучше быть околосударственной историей.

– По вашим ощущениям, сколько времени займет масштабный сбор пользователей на эту платформу?

– До 5–7 лет.

Глобальный блокчейн

– Вы говорите: «Мы формируем новый рынок». Как бы вы этот рынок назвали?

– Цифровой рынок интеллектуальной собственности.

– Если говорить о перспективе 10 лет, какой объем цифрового рынка интеллектуальной собственности будет в России?

– На сегодня объем рынка цифрового контента (музыка, кино и другие виды медиа) – около \$1 млрд. Про промышленную собственность в цифре пока, полагаю, говорить рано. При этом ежегодная выручка участников сектора креативной экономики – около \$100 млрд. С учетом растущего тренда перехода к цифровому рынку я думаю, что потенциально цифровой рынок IP – это десятки миллиардов долларов.

– Как можно достичь таких показателей?

– Прежде всего – за счет синергии с другими национальными рынками, как минимум с теми, которые географически, экономически или культурно близки к нам. Если говорить о сфере IP, наша задача – связать разные страны в единую сеть, сформировать общую инфраструктуру доверия и коммуникации. Желание взаимодействовать у участников рынка есть, для этого есть почва, инструментарий. Осталось только осознать, что это действительно работает. Это сложная история, но она уже начинает формироваться. В Армении создают свою сеть IPChain, например. Мы считаем, что каждая страна должна иметь свою национальную сеть, которая будет соединяться с аналогичными сетями из других стран.

– Кто у вас пишет софт?

– Порядка 100 наших разработчиков.

– С какими странами сейчас идут переговоры?

– Сейчас дальше всех продвинулись в Армении, параллельно идет работа в Испании, Израиле, Франции, Германии, Казахстане, Белоруссии, Грузии. Уже наладили сотрудничество с Сингапуром. Далее – Гонконг и Китай. В этих странах мы ведем диалог с патентными ведомствами, с участниками рынка – со всеми.

– Там идет речь о том, чтобы была внедрена система, аналогичная IPChain? У вас есть «оболочка», которую можно пересадить на любой рынок?

– Да. Затем эту «оболочку» – новое «озеро данных» – там самостоятельно наполняют информацией, а дальше мы связываем сети через коммуникационные узлы и сервисы кросс-поиска. Возвращаясь к вопросу о некоммерческом характере сети, очевидно, что главный профит для ее организаторов и участников – объем информации в сети и охват. Вспомним закон Меткалфа – полезность сети пропорциональна половине квадрата численности пользователей этой сети. &

Какая бывает интеллектуальная
собственность и как ее защищает закон:

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА – права на них
возникают с момента публикации произведения

ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ И СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗА-
ЦИИ (слоганы, дизайны и т. д.) – право возника-
ет с момента регистрации товарного знака

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ:
изобретения, промышленные образцы, полезные модели и
др. Права на них возникают с момента выдачи соответствую-
щих патентов. К этому разделу относятся также ноу-хау.
Права на них не регистрируются в Роспатенте, а защищаются
внутренними документами получивших их компаний

БАЗЫ ДАННЫХ, ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И Т. П.

→ 01 собственности в России невоз-
можно, считает управляющий
партнер Deloitte Legal Анна Костыра: большая
часть интеллектуальной собственности в стране
юридически не формализована.

Дорогой патент

«Среди авторов-изобретателей порой встреча-
ется недоверие и предубеждение к процедуре
регистрации изобретений, – рассказывает Ни-
китова. – Клиенты делятся своими опасениями:
известны случаи, когда заявителю отказывают в
регистрации не потому, что нет самого изобре-
тения, а по формальным причинам – несоблуже-
ние каких-либо процессуальных требований, а
потом другие лица дорабатывают новую заявку
и регистрируют первыми схожий патент». Оспо-
рить подобную регистрацию, по ее словам, до-
вольно сложно.

Дело государственной важности

К 2024 г. Россия должна войти в пятерку стран по удельному
весу в общем количестве заявок на изобретения, проданных
в мире по приоритетным областям научно-технологического
развития. Такая задача поставлена в нацпроекте «Наука».
1500 заявок на получение патентов должны подать организа-
ции – участники научно-образовательных центров и центров
компетенции «Национальной технологической инициативы»
250 технологий, продуктов или услуг должно быть
создано с участием крупных компаний

Само по себе оформление патента – недешевое
и долгое удовольствие для частного изобретате-
ля и стартапов. С учетом пошлин нижний порог
стоимости регистрации изобретения начина-
ется от 10 000 руб., но на этом траты на поддер-
жание патента не заканчиваются, рассказывает
Никитова. А, например, проведение экспертизы
по нескольким классам для оформления слож-
ного объекта для промышленного производства
по общим затратам может доходить и до 100 000
руб. Другой путь – внедрение в производство и
получение патента после того, как актив начнет
приносить прибыль, – рискован из-за вероятно-
сти потери изобретения. Его могут зарегистри-
ровать находчивые конкуренты.

Средний срок рассмотрения заявки Роспатен-
том, по данным Минобрнауки, – 8 месяцев.

Западные рынки промышленной интеллекту-
альной собственности – это целый мир со своими

подводными течениями, альянсами и войнами, а
в России он кажется минимальным, констатиру-
ет Кричевский: в одном ноутбукe число исполь-
зованных патентов может измеряться тысячами.

Проблемы развития рынка технологических
инноваций связаны с общей ситуацией на рын-
ке. Он растет только тогда, когда на инновации
существует высокий спрос, который, в свою оче-
редь, зависит от уровня конкуренции, напоми-
нает Константин Суворов, партнер юридической
фирмы «Косенков и Суворов». На конкурентных
рынках компании постоянно разрабатывают
новые продукты и защищают свои права, что-
бы получить преимущество над конкурентами.
В России же конкурентная среда ухудшается, а
доля госсектора в экономике, по данным ФАС,
приближается к 65%, напоминает он.

Индикатором изобретательской активности
может служить количество международных за-
явок на коммерческое использование патентов
на изобретения – у нас в стране такие регистра-
ции исчисляются сотнями в год и это микроско-
пическая часть от общего числа международных
заявок, говорит Суворов.

Музыка продается

Только продажа прав в музыкальной индустрии
принесла их держателям \$2,4 млрд, подсчитала
отраслевая организация правообладателей IFPI.

И эта часть рынка в России по настроением
гораздо ближе к мировому. В России рынок ав-
торских, смежных прав – все, что связано с про-
изводством контента и его монетизацией, – тоже
бурно растет, говорит Суворов.

Авторское право и смежные права, относящи-
еся в основном к сфере медиа и IT, в России до-
статочно хорошо работают и рынок похож на за-
рубежные, говорит Кричевский из IPChain.

Интеллект без оборота

По данным Роспатента, последние пять лет чис-
ло сделок с товарными знаками (продажа или
выдача лицензий) растет – оно увеличилось поч-
ти на 22% за этот период. А вот количество заре-
гистрированных договоров на распоряжения о
передаче патентов в тот же период увеличилось
минимально – 2621 распоряжение, всего на 4,5%
больше, чем в 2014 г. Причем число договоров об
отчуждении исключительного права (т. е. о про-
даже) патента продолжает падать: за пять лет
оно уменьшилось на 3,5%.

Практика продажи патентов и технологий в
России практически отсутствует, констатирует
Кричевский: «О практике продажи-покупки тор-
говых марок, франшиз и патентов мы преимуще-
ственно узнаем из зарубежной прессы».

Потенциал России не международном рынке
интеллектуальной собственности не реализуется
из-за относительно небольшого объема экспорт-
ной продукции, а сделки не совершаются из-за
низкой предсказуемости и стабильности судеб-
ной системы, отмечали авторы доклада об основ-
ных тенденциях развития права интеллектуаль-
ной собственности, подготовленного в 2016 г. по
заказу Российской венчурной компании (РВК).

Это вопрос в том числе и государственной по-
литики, считает Суворов: «Инновации развива-
ются в условиях, когда горизонт планирования
достигает десятков лет».

Цена интеллектуальных усилий

«Больше всего развитию рынка мешают сложно-
сти с оценкой интеллектуальной собственности.

Провести ее практически невозможно, она очень
субъективна», – говорит Роман Скляр, управляю-
щий партнер юридической фирмы «Интеллекту-
альный капитал». Компании в своих отчетах чаще
всего указывают стоимость интеллектуальной
собственности только по расходному принци-
пу – как накопление расходов, понесенных в
связи с созданием объекта интеллектуальной
собственности, объясняет Костыра из Deloitte.
Поскольку активного оборота таких объектов
на рынке нет, то и имеющиеся данные не всегда
отражают настоящую стоимость, говорит она.
Товарный знак может обеспечить добавочную
стоимость в 200–300%, но оцениваться по балан-
су по затратному принципу в 50 000–100 000 руб.,
соглашается Скляр.

И это не только российская проблема. В США
считается нормальным, что топ-менеджмент
компаний не может ответить на вопрос «Сколько
стоит наша интеллектуальная собственность и
какой она приносит доход?», указывали авторы
доклада РВК.

В нашей стране ни изобретатели, ни инвесторы
долгие годы не воспринимали зарегистрирован-
ные объекты интеллектуальной собственности
как экономические активы, признает Костыра. А,
сталкиваясь с относительно новыми видами ак-
тивов, например базами данных, компьютерны-
ми алгоритмами и т. д., компании не знают, как их
идентифицировать в своих отчетах.

Реальной оценкой интеллектуальной соб-
ственности ее владельцы озадачиваются в ос-
новном перед сделками или судами, говорит
Суворов. На практике стоимость интеллекту-
альной собственности часто оценивается в раз-
мере трехлетней выручки от продаж товара или
5–7 лет лицензионных платежей (составляющих
5–10%) от выручки, рассказывает Скляр.

Банки неохотно учитывают интеллектуальную
собственность при оценке заемщиков, практика
ее передачи в залог на российском рынке не рас-
пространена, говорит директор департамента
кредитования малого бизнеса Альфа-банка Ма-
рина Полякова. Причин, по ее словам, несколь-
ко: во-первых, потребуются дополнительные
расходы на создание инфраструктуры оценки
интеллектуальной собственности и последую-
ющей передачи ее в залог; во-вторых, на рынке
нет практики реализации интеллектуальной
собственности при дефолтах; в-третьих, слож-
но оценить риск последующего обесценивания
интеллектуальной собственности, потому что на
ее стоимость влияют сложно прогнозируемые
факторы – деловая репутация компании, дове-
рие покупателей и т. д.; в-четвертых, есть веро-
ятность оспаривания прав на интеллектуальную
собственность. Наконец, на стоимость интел-
лектуальной собственности негативно влияет
распространенная практика пиратства. Так что
в поточный процесс кредитования этот продукт
сегодня не встроишь, заключает Полякова.

Четкой методики определения стоимости не-
материальных активов нет даже у судов при рас-
чете компенсаций в пользу правообладателей,
рассказывает Скляр. За одно и то же нарушение
разные суды присуждают различные компен-
сации, продолжает он: компенсации для правооб-
ладателей могут колебаться от 5000 руб. до мил-
лионов, признает он.

Сложности с оценкой отражает и судебная
практика, говорит Суворов. «По моей оценке,
огромное количество споров связано с исполь-
зованием объектов авторских прав, очень много

Сколько патентов у крупнейших российских компаний

(пять крупнейших российских компаний по выручке в списке Forbes Global 2000)

«Газпрому» вместе со всеми «дочками» на 31 дека-
бря 2017 г. принадлежало 2342 объекта патентных прав,
из них в производственной деятельности использовалось
427. Экономический эффект от использования патентов в
производстве составил 8 млрд руб. Объем НИОКР, выпол-
ненных по заказу группы «Газпрома», – 8,2 млрд руб.
Чистая выручка «Газпрома» за 2017 г. – 6,5 трлн руб.

Источник: годовой отчет за 2017 г.

«Роснефть» в 2017 г. инвестировала в НИОКР 29,9
млрд руб. и получила 52 патента. Всего компания владеет
604 патентами. «Роснефть» потратила 3,2 млрд руб.
на испытание новых технологий и 24,4 млрд руб. – на
тиражирование ранее успешно испытанных эффек-

тивных технологий. Предприятия группы внедрили 103
новые технологии, общий экономический эффект – 8,3
млрд руб. (выручка «Роснефти» за 2017 г. – 6 трлн руб.).

Источник: отчет в области устойчивого развития за 2017 г.

«Лукойл» консолидирует разработки в компании
«Ритэк». Ее группа называет своим «научно-техниче-
ским полигоном». «Ритэку» принадлежит 122 объекта
интеллектуальной собственности, из которых 79 патен-
тов на изобретения, 20 патентов на полезные модели,
7 свидетельств на товарные знаки, 15 программных
продуктов и 1 свидетельство на базу данных, указано
на сайте компании. Сам «Лукойл» в 2017 г. потратил
на научно-технические работы 5,8 млрд руб. и полу-

чил 20 патентов. Выручка «Лукойла» – 5,9 трлн руб.

Источник: отчет в области устойчивого развития за 2017 г.

«Сургутнефтегаз» в 2017 г. отправил в Феде-
ральный институт промышленной собственности 7
заявок на результаты интеллектуальной деятельности
сотрудников компании: 3 заявки на изобретение, 2
заявки на полезную модель, 2 заявки на регистрацию
программы для ЭВМ. Получено 5 охранных докумен-
тов от Роспатента. Выручка компании 1,2 трлн руб

Источник: годовой отчет за 2017 г.

Сбербанк – данных о патентах
в годовом отчете нет.

КРИС ДАТУК ТАН
ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ ПРОЕКТОВ ИНСТИТУТА REMANDU
ПРИ АППАРАТЕ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА МАЛАЙЗИИ

Мир технологий развивается беспрецедентными темпами. Главное сегодня – экспериментальное обучение и инновационное мышление. Эксперты из смежных областей поняли, что их знания и опыт могут быть полезны и в соседней сфере: «Может быть, мы смотрели на проблему в совершенно ином ключе? Как мы можем открыть для себя абсолютно новый опыт и знания, которые позволят нам создавать ноу-хау и развивать новые навыки и способности?»

Интеллектуальная собственность сегодня может принимать самые разные формы: креативный контент, искусство и музыка, клинические исследования, разработка продуктов и т. д. Но представьте себе, что вы подаете заявление на выдачу патента каждый раз, когда вам в голову приходит оригинальная идея.

С одной стороны, улучшенная система защиты интеллектуальной собственности принесет пользу как бизнесам, так и стране – благодаря прорывам в научных исследованиях и росту расходов на R&D. С другой – чтобы иметь динамичную и инновационную экосистему, модель открытых инноваций должна поощрять ускоренное распространение и внедрение технологий. Я верю в смешанный подход: прорывные и тянущие на Нобелевку исследования, результатом которых становятся новые объекты интеллектуальной собственности, правительство и бизнес должны защищать любой ценой, а общество и бизнес должны добровольно принять более прозрачную инновационную модель для разработки новых продуктов и решений.

Илон Маск заявил, что готов поделиться патентами Tesla на электромобили во благо человечества и для борьбы с глобальным потеплением через ускоренное внедрение электромобилей по всему миру. Это хорошо для человечества, но я подозреваю, что его акционеры будут крайне раздосадованы тем фактом, что он отказался от своего преимущества над конкурентами.

«Представьте себе, что вы подаете заявление на выдачу патента каждый раз, когда вам в голову приходит оригинальная идея»

Если мы говорим о креативном контенте, то ваш креативный контент используется по вашему согласию или без него. Вы можете получать за него материальное вознаграждение – например, часть от рекламной прибыли. А можете – нематериальное, как, к примеру, более элитный статус на платформе (такую модель используют Facebook, «В контакте», YouTube, Instagram, Twitter и т. д.). Кроме того, есть платформы, которые позволяют монетизировать ваш контент за счет сделок по его продаже.

Сегодня система вознаграждений стала менее осязаемой: создатели контента получают вознаграждение не только деньгами, но и другими способами, а инфлюенсеры делают сумасшедшие вещи, чтобы увеличить число своих подписчиков. Мы видим, как индустрия креативного контента переходит от разработки контента на основе каналов к разработке контента на основе взаимодействия и опыта.

Если вы посмотрите на мобильное интернет-пространство, похожие приложения публикуются в App Store и Google Play Store каждый день. Как компании и стартапу преуспеть в такой переполненной контентом среде? Мой совет стартаперам и предпринимателям – прежде чем приступать к цифровому маркетингу и промоакциям, вырастите свое собственное сообщество потенциальных клиентов, даже если оно немногочисленное и слишком нишевое. Сосредоточьтесь на разработке качественного контента, который привлекает ваше сообщество, и медленно наращивайте это влияние и охват этого сообщества, в конечном итоге создавая «экосистему» вокруг него либо путем сотрудничества, либо путем предложения новых продуктов и услуг.

споров по товарным знакам, средствам индивидуализации и минимальное – по изобретениям», – объясняет он.

Цифра в помощь

Решить эти проблемы могли бы помочь цифровые технологии: они открывают океан возможностей для включения интеллектуальной собственности в экономический оборот, уверен Кричевский.

Ассоциация IPChain (подробнее о ней читайте в интервью Кричевского на стр. 02) реализует проект по созданию одноименной цифровой платформы с реестрами, в которые будут включаться сведения об объектах интеллектуальной собственности и информация о сделках с ними. В большинстве ведущих стран есть давно сложившаяся система государственных институтов и регуляторов рынка интеллектуальной собственности, но целостной архитектуры для эф-

фективного взаимодействия между бизнесом и государством нет, говорит Кричевский. IPChain в России и ее аналоги на других рынках могли бы стать общественной сетевой инфраструктурой, которая фиксирует все значимые факты, связанные с объектом интеллектуальной собственности и правами на него, и дает доступ к этой информации всем участникам рынка, объясняет он логику. Использование блокчейна позволяет охранять подтвержденные и проверенные группы транзакций от несанкционированного вмешательства и отслеживать историю жизни объекта, объясняет он.

В начале мая Минкомсвязи опубликовало проект указа президента о создании общественно-государственной организации «Российский центр интеллектуальной собственности». Предполагается, что именно она может стать оператором новой цифровой платформы, создаваемой IPChain. &

В европейском деловом обороте уже существует целый пласт новых видов сделок, в которых используется блокчейн, но которые пока не закреплены законодательно, указывают эксперты юридической фирмы Baker McKenzie. Это, например, кредиты, обеспеченные интеллектуальной собственностью, распределение долей в сложных объектах интеллектуальной собственности, технология интегральных схем между правообладателями и распределение вознаграждения, инвестиции в создание таких объектов интеллектуальной собственности. Блокчейн в таких сделках может использоваться для депонирования объектов интеллектуальной собственности, автоматической записи юридически значимых событий, выплаты авторских вознаграждений и т. д.

ПАТРИК ДИКСОН
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ GLOBAL CHANGE LTD, ФУТУРОЛОГ, АВТОР 15 КНИГ

Я уже 30 лет прогнозирую тенденции. Правда в том, что большинство дебатов о будущем – не о том, что произойдет в конкретной отрасли, а о том, когда это произойдет. Например, когда большинство новых автомобилей, продаваемых в Москве, будут на 100% электрическими. Когда мы фокусируемся на мегатрендах, мы видим

факторы, которые изменят наш мир в течение следующих 30–50 лет так же, как и за предыдущие 30–50 лет: рост развивающихся рынков, падение цен на все технологии (не только цифровые), рост автоматизации, старение населения, увеличение продолжительности жизни и т. д. Многие из этих факторов меняются медленнее или более предсказуемо, чем большинство людей себе представляют.

«К интеллектуальной собственности нужно относиться как к страстному увлечению»

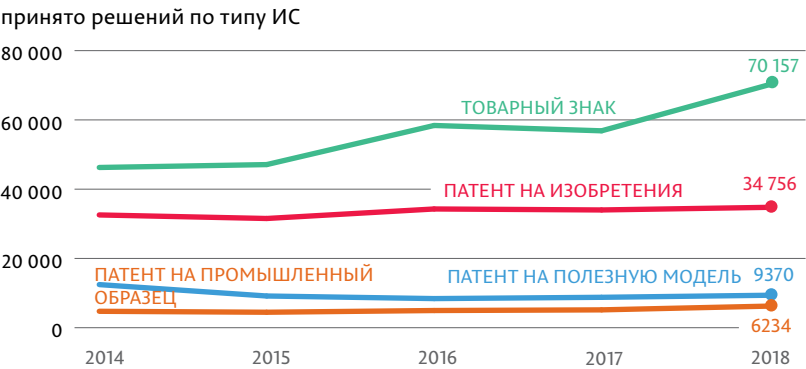
Большая проблема для компаний – страх потерять свою интеллектуальную собственность, поэтому они далеко не всегда патентуют изобретения, чтобы не раскрыть их секреты. Относитесь к вашей интеллектуальной собственности, как к страстному увлечению. Возьмем, к примеру, 3D-телевизор. На него были зарегистрированы тысячи патентов, но каждый из производителей прекратил их выпускать! Вы можете привлечь внимание аудитории с помощью умных продуктов, но так и не завоевать сердца потребителей. Добиться любви покупателя – это волшебство. Нужно всегда быть сфокусированным на клиенте, не на вашей технологии!

Сейчас в ЕС остро стоит вопрос в связи с новыми строгими законами о защите авторского права для текстов и картинок. Они могут сильно усложнить жизнь таким компаниям, как Google. Главный вопрос здесь – что лучше для общества? Я думаю, что европейское законодательство зашло слишком далеко и им придется его менять. На моем личном сайте выложено в свободном доступе 6 книг, 650 видео с заметками и комментариями, тысячи статей и постов. Мне всегда приятно, когда люди размещают мой контент на других сайтах, цитируют мои идеи. Чаше всего они упоминают мое авторство, и мне этого достаточно.

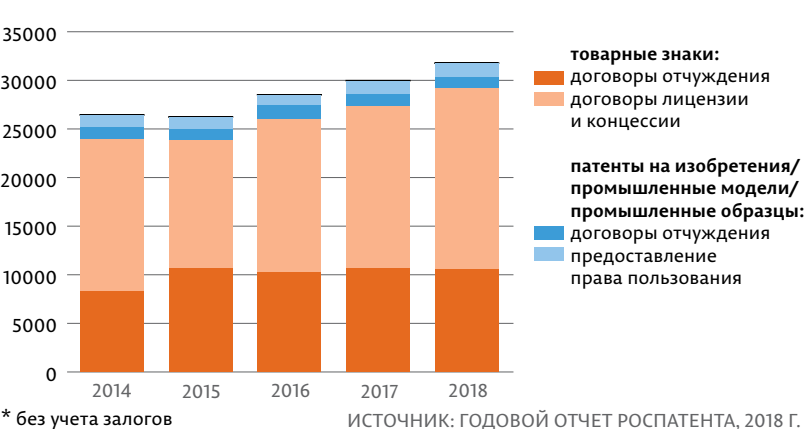
На объекты, защищенные авторским правом, есть цена. Есть ведомства по охране авторского права. Но доказать, что ты достоин нового патента, действительно сложно: экспертам в сфере инноваций нужно каждый раз глубоко погружаться в предмет, чтобы понять, что вы действительно изобрели что-то новое. Если говорить о более мелких масштабах, то, к примеру, мой друг пишет несложный код и люди могут его использовать на своих сайтах за небольшую цену. Работами такого типа вполне можно было бы управлять на глобальной платформе, объединяющей информацию об объектах интеллектуальной собственности.

Датук Тан, Диксон и Петерсил передали свои комментарии через представителя IPChain

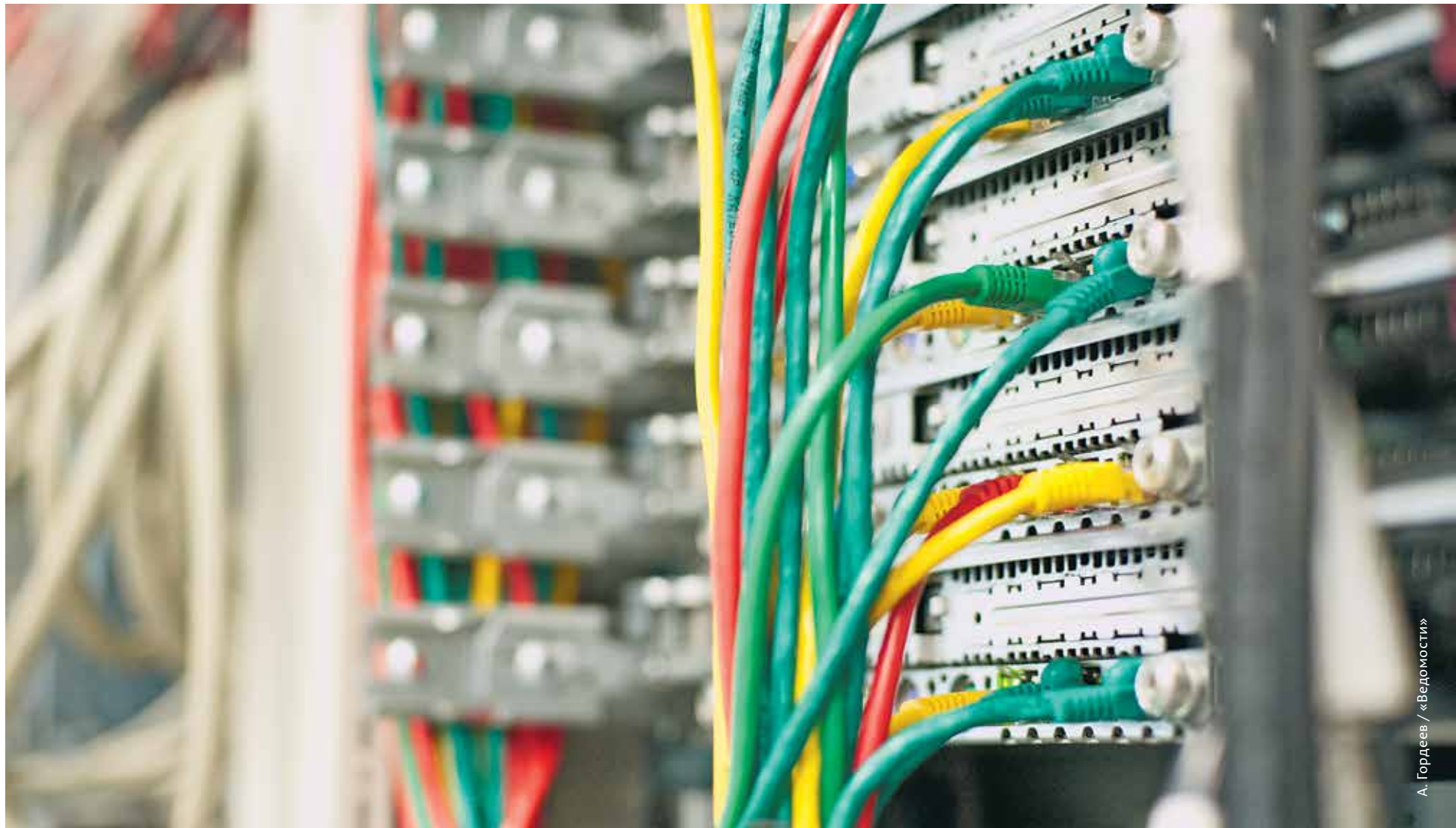
Как регистрируют права на интеллектуальную собственность (ИС) в России

Как продается и покупается ИС

* без учета залогов ИСТОЧНИК: ГОДОВОЙ ОТЧЕТ РОСПАТЕНТА, 2018 г.

А. Гордеев / «Ведомости»

→ 01 о поведении пользователей, операторы публичных сетей WiFi – информацию о MAC-адресах, сотовые операторы – сведения о перемещении клиентов (геоаналитику). Эти пользовательские данные обезличены. В основном их сбор и обработка нужны в коммерческих целях: сотовые операторы, например, с помощью геоаналитики помогают ритейлерам найти самое удачное место для размещения торговых точек.

Некоторые игроки рынка при этом собирают персональные данные пользователей напрямую. В их числе – социальные сети и рекрутинговые порталы, где пользователь сам загружает данные в открытый доступ. В последние годы на сбор и обработку этих сведений в коммерческих целях стали претендовать IT-стартапы, которые часто занимаются этим без ведома пользователей. Вопрос, законно ли это, в российской судебной практике пока не решен.

Работа алгоритмов таких компаний основана на технологиях, которые позволяют буквально прочесывать весь интернет в поисках данных. «Иногда даже непонятно, охраняются эти данные авторским правом или нет», – говорит советник председателя правления фонда «Сколково» по вопросам интеллектуальной собственности Максим Прокш. При этом Гражданский кодекс «презюмирует добросовестность участников правоотношений», «так что, если они не знали или не могли знать, что там есть какие-то запреты, скорее всего их деятельность легальна», замечает он.

Сколько данных у пользователя

Объем рынка пользовательских данных, который является частью big data, оценить сложно: он слишком непрозрачен и методологии оценок разнятся. Пресс-служба Фонда развития интернет-инициатив (ФРИИ) со ссылкой на отчет международной компании OnAudience.com сообщила, что оборот этого рынка быстро растет: в 2018 г. он составил 890 млн руб. (\$13,7 млн), что на 22% больше, чем в 2017 г. Ранее, в 2018 г., журнал РБК подсчитал, что если суммировать оценки разных экспертов по обороту пользовательских данных в рекламе, скоринге и маркетинге, то речь идет о сумме не менее чем в 3,3 млрд в год.

Чья база

Четкого регулирования рынка данных, в том числе пользовательских, в России нет. По словам директора по правовым инициативам ФРИИ Александры Орехович, сейчас в России есть три

«Персональные данные», по статье 3 ФЗ-152 «О персональных данных», – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). GDPR (Общий европейский регламент по защите персональных данных), европейский аналог ФЗ-152, дает более четкое определение с примерами, что именно относится к персональным данным. «Обезличенные данные» – такого понятия в ФЗ-152 нет, но в той же статье 3 вводится понятие «обезличивание персональных данных»: действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных их конкретному субъекту. «Анонимизированные данные» – в российском законодательстве пока нет такого определения, но оно есть в преамбуле к регламенту GDPR, пункт 26. По сути, это окончательно обезличенные данные – которые нельзя соотнести с конкретным владельцем: произвести их «реидентификацию». В случае с некоторыми типами обезличенных данных такое возможно: в GDPR их называют «псевдоанонимизированными».

законопроекта по этому вопросу – от «Сколково», Совета Федерации и ФРИИ. Пока ни один из них не внесен в Госдуму, документы обсуждаются на различных площадках.

Общее в этих трех проектах, по словам Орехович, – все они оставляют понятие «обезличенные данные», для регулирования оборота которых достаточно существующего законодательства о персональных данных. Одновременно вводится понятие «анонимизированные данные» – которые полностью утратили связь с субъектом персональных данных. Они свободны к обороту и выводятся за пределы регулирования законодательства о персональных данных. По сути, это и есть большие данные (big data).

Уже больше года в судах идут два разбирательства, связанных с вопросом использования и прав на данные пользователей: «В контакте» против Double Data и HeadHunter против «Стафори». Оба они касаются вопроса, кому должны принадлежать данные пользователей: компаниям, которые их собрали, пользователям или их может использовать кто угодно?

Исход этих дел может повлиять на работу IT-компаний, которые собирают и используют большие данные в России. На вопрос, кому принадлежат данные пользователей, которые находятся в открытом доступе, в российском законодательстве однозначного ответа нет, считают опрошенные «Ведомости&» юристы.

«В контакте», принадлежащая Mail.ru Group, в январе 2017 г. подала иск о защите исключительных смежных прав на свою базу данных

пользователей к компании Double Data и Национальному бюро кредитных историй. Согласно заявлению истца, которое цитируется в картотеке арбитражного суда, в базе находилось 407 млн профилей. Double Data извлекала из них данные и обрабатывала, например, чтобы помочь коллекторам искать заемщиков, а банкам – оценивать потенциальных заемщиков. Double Data заявила, что у «В контакте» нет исключительных прав на созданную базу данных: для соцсети эта база не основная, а побочный продукт и ограничить использование общедоступных данных можно только федеральным законом.

Суд первой инстанции с этим согласился, но в апелляции «В контакте» удалось доказать, что структура данных пользователей является базой данных истца, на организацию и поддержание которой он понес затраты, и, таким образом, действия Double Data нарушают интеллектуальные права соцсети.

Позже, в 2018 г., суд кассационной инстанции отменил решение, которое запрещало Double Data использовать открытые данные «В контакте» в коммерческих целях. Спор, извлекала ли компания данные пользователей именно из собранной соцсетью базы данных (учитывая, что технология работает по принципу поисковиков: открытые данные собирают по всему интернету) и если да, то можно ли сказать, что ответчик использовал ее существовавшую часть, до конца не решен. Суд отправил дело на новое рассмотрение. Оно запланировано на июль 2019 г.

Роботы и кадры

В ноябре 2017 г. компания HeadHunter подала иск к сервису Friend Work, а в декабре – еще и к ООО «Стафори» (сервис по автоматизации рекрутинга «Робот Вера») и американскому сервису управления трафиком CloudFlare. По данным истца, в обоих случаях сервисы извлекали базу данных резюме ресурса hh.ru и предоставляли доступ к данным третьим лицам без ведома кадрового портала.

В случае с Friend Work Мосгорсуд принял сторону HeadHunter, а вот с «Роботом Вера» доказать, что разработчики этого стартапа использовали именно базу резюме истца, ему не удалось. При этом Мосгорсуд признал, что HeadHunter принадлежит исключительное право на собранную базу резюме.

После этого портал начал блокировать учетные записи компаний-работодателей, использующих расширения от сервисов автоматизированного подбора сотрудников. Но в апреле уже «Стафори» пожаловалась на портал в Федераль-

А. Гордеев / «Ведомости»

Массивы данных и алгоритмы – только один из новых видов нематериальных активов, регулирование прав и оборота которых еще не сформировалось. К таким новым видам нематериальных активов можно отнести также:

- программное обеспечение (отдельно код и отдельно основанный на нем продукт)
- блокчейн-активы
- репутация, признание и гудвилл
- виртуальные активы и виртуальные валюты
- публичность, конфиденциальность, право на забвение
- права по смарт-контрактам
- интернет-активы (в том числе доменные имена, индексы контента и т. д.)
- нетрадиционные товарные знаки и узнаваемость бренда (звуки, цвета, ароматы)
- бизнес-методы
- активы, содержащие данные (например, о пользователях соцсетей – количество и охват подписчиков, связи, время контакта с контентом, лайки и т. д.; журналах использования устройств интернета вещей; биометрических данных)
- кредитная история

Источник: IPChain

Не только суды

Кроме юридических способов защитить интеллектуальную собственность можно использовать и технические – тот же блокчейн. «Главный потенциал этой технологии – в ее способности сделать максимально прозрачными отношения между большим количеством участников по вопросам интеллектуальной собственности: между авторами, правообладателями и пользователями», – говорит управляющий партнер MindSmith Руслан Юсуфов. Блокчейн позволяет фиксировать любые взаимодействия и автоматизировать их при помощи смарт-контрактов – компьютерных алгоритмов, предназначенных для заключения и поддержания самоисполняемых контрактов. Информация при этом сохраняется неизменной – благодаря криптографической системе защиты. Таким образом, владельцам интеллектуальной собственности не придется доказывать на нее свои права – можно будет сразу увидеть, кому она принадлежит, кто ее использовал и как распределить доход за это между участниками рынка. Блокчейн может стимулировать появление новых бизнес-моделей, позволив провайдерам данных, агрегаторам и аналитикам работать вместе, полагают в MindSmith.

Судебная практика по делам о защите новых типов интеллектуальной собственности и пользовательских данных только формируется во всем мире. Вот самые известные случаи, когда компании судились с разработчиками или пытались ограничить их доступ к данным другими способами.

Facebook в 2016 г. запретил британской страховой компании Admiral Insurance использовать алгоритм анализа личностных качеств владельцев автомобилей на основе их поведения, назвав его «слишком навязчивым». Решение поддержали британские правозащитники. В 2018 г. соцсеть отключила 66 страниц сотрудников российской компании Social Data Hub. В этих двух случаях до суда дело не дошло, но в мае 2019 г. Facebook уже подал иск – к южнокорейской аналитической компании Rankwave.

LinkedIn в 2017 г. направил в компанию hiQ Labs письмо с требованием прекратить использовать открытые данные своих пользователей. После этого hiQ Labs подала иск против LinkedIn, утверждая, что принадлежащая Microsoft Corp. профессиональная соцсеть нарушает антимонопольное законодательство. Суд США в 2018 г. постановил, что LinkedIn не имеет права препятствовать доступу к информации общедоступных профилей своих пользователей, и обязал ее в течение 24 часов удалить любую технологию, которая препятствует доступу к ним.

ную антимонопольную службу (ФАС) – та возбудила административное дело не только против HeadHunter, но еще и против Rabota.ru и Superjob.ru. ФАС обнаружила, что ограничения на использование программного обеспечения автоматизированного подбора персонала содержатся в правилах порталов, и выявила факты блокировки таких сервисов.

Право и согласие

Решения судов в этих двух случаях были противоречивыми и ясности на рынке не прибавили, считает юрист Deloitte Legal Алина Давлетшина. «Однозначного вывода и какого-то критерия, по которому мы [юристы] можем сейчас работать, у нас нет, устойчивая практика пока не сложилась», – отмечает она.

В случае с делом «В контакте» и Double Data компании, которые организуют сбор баз пользо-

вательских данных, приобретают исключительные права только на их компиляцию. Но в то же время у правообладателя есть право запрещать извлечение данных из своей базы – это следует из статьи 1334 Гражданского кодекса, рассуждает она. Под извлечением понимается перенос всей базы данных или ее существенной части на другой информационный носитель. Но что считать существенной частью, закон не определяет.

В поисках единообразия

Единообразная судебная практика по делам, связанным с оборотом данных, еще не сложилась, считает Прокш из «Сколково» (Double Data является резидентом фонда). Такого же мнения придерживается Давлетшина из Deloitte. Именно поэтому дела «В контакте» против Double Data и HeadHunter против «Стафори» имеют такое значение – не только для их участников, но и для

других компаний, которые работают или хотят работать в России.

Итоговое решение должно быть сбалансированным, считает Прокш: учитывать интересы создателя базы данных, разработчиков алгоритмов, которые не всегда могут знать, из каких открытых источников их программные продукты собирают данные в интернете, и самих пользователей. В пользу сервисов, подобных Double Data, говорит то, что нельзя все данные в интернете считать охраняемым результатом интеллектуальной деятельности, к которым применима часть IV Гражданского кодекса, регулирующая вопросы охраны баз данных, полагает он. Скорее эти правоотношения должны рассматриваться в рамках законодательства об информации.

«Доступ к данным может осуществляться только с согласия пользователей и при наличии законных оснований», – говорит представитель «Мегафона» Юрий Нехайчук. Если интернет-площадка инвестировала в создание базы данных, где хранятся данные пользователей, то доступ к ним должен определяться волеизъявлением этих пользователей и правилами самой площадки.

Если судебная практика не будет учитывать интересы всех сторон, компании вроде Double Data могут перейти из российской в другие юрисдикции, считает Прокш. По его словам, Double Data – не единственный резидент «Сколково», который занимается сбором больших данных: сейчас у фонда около 2000 резидентов, треть из них – это IT-стартапы, среди которых также есть немало потенциальных участников этого рынка. &

«Мы делаем мир удобнее для вас»

Операторы данных используют информацию в своих интересах, предлагая пользователям всевозможные продукты, но в то же время благодаря персональным и динамическим данным техногиганты делают мир удобнее для пользователя, написал в колонке для The New York Times генеральный директор Google Сундар Пичаи в начале мая. Также он заверил, что данные надежно защищены и никогда не будут проданы третьей стороне. При этом, когда карты компании предлагают пользователю кратчайший путь до дома, поисковая строка дает ответы на любые вопросы (которые зачастую вы не решитесь задать даже самым близким), технологии экономят время пользователей, чтобы они могли заняться чем-то действительно интересным для них. Проблема в том, что все люди понимают конфиденциальность по-своему: для больших семей это защита данных друг от друга, для бизнеса – защита информации клиентов, для подростков – возможность уничтожить свои селфи. А потому компаниям важно максимально индивидуализировать возможности пользователей по защите их данных, уверен Пичаи.

Иск с семьей нулями

Сколько стоят разработки беспилотника, пуленепробиваемого жилета и элитного бренда гостиниц

Ольга Петрова

Сколько стоит интеллектуальная собственность компании? В российской практике ответ на этот вопрос чаще всего возникает либо накануне крупных сделок, либо в ходе судебных разбирательств, а единого подхода к ее оценке нет и в мире.

Судебная информация о спорах по интеллектуальной собственности, как правило, малодоступна, поэтому единую статистику о крупнейших спорах в этой области собрать сложно. По данным консалтинговой компании Willis Towers Watson, больше всего споров рассматривается в Китае, США и Германии. В США в 2012–2016 гг. средний размер выплат по патентным спорам составлял от \$4,1 млн до \$15,7 млн. В 1997–2016 гг. наибольший размер компенсаций (опять же в США) был зафиксирован в секторах медицинского оборудования (\$58 млн), телекоммуникаций (\$39 млн) и биотехнологий и фармацевтики (\$27 млн). Но иногда цена вопроса достигает и сотен миллионов долларов.

Самые дорогие споры – в подборке «Ведомости».

\$8,8
млрд

Oracle против Google

С 2010 г. длится тяжба между разработчиком программного обеспечения Oracle и интернет-гигантом Google. Oracle утверждает, что Google незаконно использует в своей операционной системе Android программную платформу Java. В 2016 г. суд встал на сторону Google, постановив, что использование Java не требует лицензии и разрешения со стороны

Oracle. Последняя подала апелляцию, и апелляционный суд принял решение, что Google неправомерно использовал Java, за что должен заплатить компенсацию в размере \$8,8 млрд. В январе 2019 г. Google обратился в Верховный суд США для отмены решения апелляционной инстанции.

\$1,86
млрд*

Waymo против Uber

В 2016 г. сервис по заказу такси Uber приобрел стартап Otto, сооснователем которого был Энтони Левандовски, инженер компании Waymo холдинга Alphabet. В Uber Левандовски возглавил проект по созданию беспилотного грузовика. Waymo, занимающаяся разработками в сфере самоуправляемых автомобилей, обвинила

своего бывшего инженера в краже нескольких тысяч конфиденциальных файлов. Она добивалась от Uber компенсации в \$1,86 млрд и запрета на использование упоминающихся в иске технологий. Левандовски из-за скандала был уволен, а компании в феврале 2018 г. достигли внесудебного соглашения об урегулировании иска. Сумма, которую Uber выплатил Waymo за прекращение дела, не называлась, однако, по данным источников Bloomberg, речь шла о 0,34%-ной доле в компании, или \$245 млн. Позднее Uber сообщил, что отказался от разработки беспилотных грузовиков.

* сумма требования

\$919
млн

DuPont против Kolon Industries

В сентябре 2011 г. американская химическая компания DuPont одержала победу в судебном разбирательстве с южнокорейской Kolon Industries. Суд решил, что Kolon похитила и незаконно копировала технологии DuPont по производству пуленепробиваемых жилетов с использованием кевлара, материала высочайшей прочности. DuPont

впервые заявила о нарушении своих патентов со стороны Kolon в 2007 г., а в 2009 г. подала иск, требуя компенсации. По мнению американской компании, Kolon получала доступ к конфиденциальной информации, нанимая ее бывших работников. Размер присужденной DuPont компенсации составил \$919 млн.

\$75
млн

Starwood Hotels & Resorts против Hilton Hotels

В 2009 г. американские власти начали расследование спора между двумя крупными гостиничными сетями. Starwood Hotels & Resorts обвинила Hilton Hotels в промышленном шпионаже и подала против нее иск.

Starwood настаивала, что несколько высокопоставленных сотрудников, перешедших к конкуренту, передали ему ценную информацию, относящуюся к созданию нового элитного гостиничного бренда Denizen Hotels, концепция которого была списана с ее успешного бренда W Hotels. Разбирательства длились 1,5 года: Hilton пришлось пойти на мировую, выплатить конкуренту \$75 млн наличными и не развивать бренд в течение нескольких лет.

\$100
млн

Viasat против Space Systems/Loral

В 2012 г. телекоммуникационная компания Viasat подала иск к Space Systems/Loral (SSL), занимающейся проектированием спутников и кос-

мических систем. Viasat обвиняла SSL в том, что она незаконно передала конкуренту Viasat, компании Hughes Communications, патентную информацию о новом телекоммуникационном спутнике. Спор был урегулирован в сентябре 2014 г., SSL выплатила Viasat \$100 млн.

Д. Абрамов / «Ведомости»